

Joanna Piotrowska

Факты и их бытование в мемуаристике : (Одаховский - Жиркевич - Толстой)

Acta Polono-Ruthenica 16, 161-175

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Joanna Piotrowska
Warszawa

Факты и их бытование в мемуаристике (Одаховский – Жиркевич – Толстой)

В настоящей статье мы попытаемся наметить некоторые проблемы, связанные с репрезентацией севастопольского периода жизни Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях поляка Юлиана Игнатьевича Одаховского, записанных и опубликованных Александром Владимировичем Жиркевичем в „Историческом вестнике” за январь 1908 г.¹

Мемуарный текст Одаховского состоит из нескольких частей: собственно воспоминаний о Толстом, озаглавленных „Текст Одаховского”, предисловия и послесловия, написанных публикатором, а также помет, оставленных на полях рассматриваемых мемуаров самим Толстым. Дополнительно в послесловие включены фрагменты стихотворений, как утверждает Жиркевич, якобы написанных Львом Николаевичем и якобы переданных ему непосредственно Одаховским. Как видно, в воспоминаниях присутствует точка зрения двух лиц: мемуариста Одаховского и героя мемуаров, Льва Толстого. Эта особенность порождает вопросы методологического характера: как рассматривать текст такого рода? Чью точку зрения – мемуариста или героя – признавать главной?

Вопросы и сомнения вызывает уже сам генезис воспоминаний, который мы кратко изложим². Так, по словам Жиркевича, Юлиан Одаховский продиктовал ему свои мемуары 16 мая 1898 г. в Вильнюсе. Первоначально информант отказывался диктовать воспоминания, поскольку не желал делать себе имя на мимолетном знакомстве с Толстым. Подобной мотивацией давний сослуживец писателя обосновывал согласие на публикацию мемуаров исключительно после своей смерти. Через некоторое время после кончины Одаховского у Жиркевича появилась возможность „[...] пожертвовать рукопись с мемуарами покойного о графе Толстом в сборник,

¹ „Исторический вестник” 1908, т. СХІ, с. 165–176.

² См. подробнее в нашей статье: И. Пиотровска, Л.Н. Толстой и Ю.И. Одаховский. К вопросу о взаимоотношениях, [в:] Толстой и о Толстом, вып. 4: Материалы к комментариям, ИМЛИ РАН, Москва 2010, с. 78.

издававшийся с благотворительной целью”³. Как утверждает публикатор, не желая печатать текст без разрешения Толстого, он написал письмо в Ясную Поляну. После сообщения Софьи Андреевны Толстой в ответном письме о том, что писатель заинтересован воспоминаниями Одаховского, 23 сентября 1903 г. Жиркевич отправил ему копию рукописи. Текст с пометами Толстого он получил в начале октября 1903 г. и в таком виде решил опубликовать его в „Историческом вестнике”.

История воспоминаний позволяет заметить, что больше всех в публикации был заинтересован сам Жиркевич. Показательны в этом плане его признания в предисловии к мемуарам, свидетельствующие, что он усиленно побуждал Одаховского письменно зафиксировать контакты с Толстым в далеком 1855 г.: „Да вы бы, Юлиан Игнатьевич, записали все это по памяти, – не раз советовал я словоохотливому полковнику: – ведь факты, вами приводимые, важны для биографии Толстого!...”⁴; „Если маститый писатель, – думалось мне, – и через 40 лет не забыл встречи с Одаховским, то почему бы и Одаховскому не сохранить кое-каких воспоминаний о знакомстве с Толстым?» Я с удвоенною энергией атаковал старика, и в конце концов Одаховский продиктовал мне свои мемуары [...]”⁵. Какими факторами могла быть определена высокая заинтересованность Жиркевича в появлении воспоминаний Одаховского о Толстом? Почему, готовя мемуары к печати, публикатор посчитал необходимым ознакомить с рукописью их героя? По каким причинам Жиркевич, якобы озабоченный мнением Толстого, все же решился на публикацию воспоминаний? В сообщении от 6 октября 1903 г. Толстой отметил, что „[...] рукопись Одаховского [...] очень меня разочаровала. Удивительно, как он мог все так забыть, но еще удивительнее, что мог уверить себя, что было то, чего не было. [...] Очень сожалею, что вы напрасно потрудились, списывая эти воспоминания”⁶, – и тем самым опроверг значимость этого мемуарного текста.

Рассматриваемые воспоминания состоят по сути из двух, во многом разных по модальности (т.е. вероятности и оценке событий самим автором) мемуарных текстов, т.к. своеобразный маргинальный текст образуют пометы Толстого. Речь идет о 19 комментариях на полях „Текста Одаховского”,

³ А.В. Жиркевич, *Воспоминания о Л.Н. Толстом*, „Исторический вестник” 1908, т. СХІ, с. 166.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*: в 90 т. (репринтное воспроизведение издания 1928–1958 гг.), т. 74: *Письма 1903*, Москва 1992, с. 199–200.

содержание которых сводится к приятию или неприятию изложенных поляком фактов (необходимо отметить, что в тексте имеются также подчеркивания писателя, которые нуждаются в отдельной интерпретации). В 16 пометах писатель отрицает фактическую достоверность воспоминаний. До сих пор толстовские маргиналии не становились предметом специального изучения как часть мемуарного построения. Они трактовались исключительно в статусном ключе, т.е. в качестве дополнительного аргумента, свидетельствующего о не высокой ценности воспоминаний Одаховского как исторического источника⁷. Между тем, сопоставительно-сравнительный анализ отмеченных Толстым мест из „Текста Одаховского”, относящихся к ним возражений писателя и реального комментария (см. приложение) позволяет заметить, что при всех неточностях, типичных для мемуаров, воспоминания все же не фикциональны. Многие события, ситуации, эпизоды, изложенные Одаховским и воспринятые Толстым как вымышленные, близки к истине. При этом ситуация дополнительно осложняется по крайней мере тремя факторами. Во-первых, ряд фактов, представленных польским офицером и оспариваемых русским писателем, верифицировать невозможно; во-вторых, неоднократно комментарии Толстого допускают разное прочтение и не поддаются однозначной интерпретации; в третьих, в той части мемуаров, где речь идет о пребывании Толстого в симферопольском госпитале⁸, Одаховский опирается на рассказы Кречинского, с которым писатель якобы лежал в одной палате.

Отношение Толстого к „Тексту Одаховского” как к недостоверным и, следовательно, несущественным мемуарам вызывает следующие вопросы: какими факторами могла быть продиктована такая реакция писателя? Действительно ли наиболее вероятной причиной могло быть, как предполагают исследователи, „его прошлое нерасположение к Одаховскому и его окружению”⁹, „большая личная неприязнь и давние обиды между ними [Толстым и Одаховским – J. P.]”¹⁰, „очень неприятное впечатление”, которое Одаховский якобы оставил в памяти Толстого¹¹? Аутентичные источники 1855 г. – толстовские дневник и записная книжка

⁷ В. Białokozowicz, *Lwa Tolstoja związki z Polską*, „Książka i Wiedza”, Warszawa 1966, с. 38.

⁸ А.В. Жиркевич, *op. cit.*, с. 172–173.

⁹ Комментарий Г.В. Краснова. Ю.И. Одаховский, „На севастопольских бастионах” в записи А.В. Жиркевича, [в:] Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т., т. 1, вступит. статья К.Н. Ломунова, сост., подгот. текста и коммент. Г.В. Краснова, Москва 1978, с. 511–512.

¹⁰ В. Białokozowicz, *op. cit.*, с. 38 [здесь и далее перевод наш – J. P.]

¹¹ *Ibidem*.

– свидетельствуют о том, что, несмотря на совокупность разных нюансов, в течение нескольких месяцев польский офицер и Толстой поддерживали нормальные человеческие контакты¹². Кроме того, в упоминании о сослуживце по Севастополю в письме Толстого Жиркевичу от 10 апреля 1898 г. – „Одах[овского] помню. Поклонитесь ему от меня”¹³ – нет ничего, что могло бы указывать на какую-либо неприязнь или вражду. Какие еще факторы можно принимать во внимание, пытаясь объяснить специфичное восприятие воспоминаний Одаховского Толстым?

Одна из возможных гипотез может быть связана с фигурой публикатора А.В. Жиркевича¹⁴, военного юриста, поэта и беллетриста, публиковавшегося под псевдонимом А. Нивин. Он состоял в переписке со многими видными современниками, свои сочинения с просьбой об их оценке отправлял известным русским писателям (И.А. Гончарову, Н.С. Лескову, А.П. Чехову, а также Л.Н. Толстому)¹⁵. Как свидетельствуют письма Толстого и дневники Жиркевича, Толстой не увидел в его сочинениях ни глубины, ни дарования. Так, в письме от 30 июня 1890 г. он писал по поводу поэмы в стихах *Картинки детства*: „Вы спрашиваете моего мнения о книге и совета. Совет мой тот, чтобы вы оставили литературные занятия, в особенности в такой неестественной форме, как стихотворная. [...] Вы спрашиваете: есть ли у вас то, что называют талантом? По-моему – нет. [...] у вас нет, по-моему, того, что называется талантом, - я этим хотел сказать, что у вас нет в этой книге того блеску, образности, которые считаются необходимыми для писателя и называются талантом, но которые я не считаю нужным для писателя. Для писателя, по-моему, нужна только искренность и серьезность отношения к своему предмету. А это будет ли

¹² См. об этом подробнее в нашей статье: И. Пиотровска, *op. cit.*, с. 74–78.

¹³ Л.Н. Толстой, *op. cit.*, т. 71: *Письма 1898*, Москва 1992, с. 351.

¹⁴ Впервые вопрос о роли А.В. Жиркевича в связи с воспоминаниями Ю.И. Одаховского затронул Б. Бялокозович. По мнению исследователя, Жиркевич усиленно пытался связать свое имя с Толстым и „также этим руководствовался, собирая и обрабатывая воспоминания о Толстом кавказского и севастопольского периодов”. В. Бялокозович, *op. cit.*, с. 36.

¹⁵ Об А.В. Жиркевиче см. подробнее, например: *Встречи с Толстым. Из дневника А.В. Жиркевича*, публикация Э. Зайденшнур, „Литературное наследство”, 1939, т. 37–38: Л.Н. Толстой. II, с. 417; В. Бялокозович, *op. cit.*, с. 36–37; В. Бялокозович, *Z polskiej karty Lwa Tołstoja. Nowe i zapomniane o Tołstoju i jego percepcji w Polsce*, Wyd. UWM, Olsztyn 2003, с. 55–63; В. Бялокозович, *Eliza Orzeszkowa i Lew Tołstoj. Wokół rzekomych przedmów L. Tołstoja do „Chama” i „Meira Ezofowicza”*, [в:] *Rosja literacka. Od Karamzina do Sołżenicyna. Księga poświęcona Profesorowi Tadeuszowi Szysko z okazji 45-lecia pracy naukowej*, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, „Studia Rossica XV”, Warszawa 2004, с. 135–136; Н. Жиркевич-Подлесских, *Предисловие*, [в:] А.В. Жиркевич, *Потревоженные тени... Сибирский дневник*, сост., предисл. и примеч. Н.Г. Жиркевич-Подлесских, Этерна-принт, Москва 2007, с. 5–14.

у вас или нет, никто не может знать, и я не знаю. Могу только сказать, что, когда у вас будет такое отношение к предмету, вас занимающему, тогда пишите, и тогда то, что вы напишете, будет хорошо”¹⁶. Толстой также не одобрил литературных планов Жиркевича, что отражено в детальной записи беллетриста от 20 декабря 1890 г., воспроизводящей его первую встречу с писателем¹⁷: „Я: Я говорил вам, Лев Николаевич, что хочу описать того мужика, которого я встретил в Ялте. Толстой (с неудовольствием): Зачем? У нас в России этих мужиков хоть пруд пруди. Вы, верно, их мало встречали, а я – довольно. Разве этим типом вы откроете что-нибудь новое?”¹⁸. В таком же духе Толстой воспринимал новые сочинения Жиркевича. В дневниковой записи от 14 сентября 1892 г., связанной со второй поездкой в Ясную Поляну, Жиркевич пишет: „Г.А. Кузминская, несмотря на мои просьбы, начала при Толстом разговор о моем рассказе *Против убеждения*. Ей, видимо, захотелось сделать мне неприятность, так как она знала уже, что рассказ мой Толстому не понравился. Лев Николаевич сказал, что он был возмущен этим рассказом”¹⁹. И далее в той же записи: „Вот замечание Толстого о себе: «Я поставлен в исключительные условия. Мне кривить душой не приходится». Это было сказано им по поводу моего рассказа «Против убеждения», к которому он еще раз вернулся, объясняя резкость своего мнения об этом произведении”²⁰. В то же время дневник Жиркевича 1892 г. содержит два интересных для нас момента. Так, Жиркевич узнал и в записи от 14 сентября подробно зафиксировал два частных эпизода из военной службы Толстого на Кавказе и в Севастополе²¹. Запись же от 16 сентября указывает на то, к какого рода творчеству поощрял Толстой своего собеседника: „«Вы бы написали свою военно-судебную исповедь, – сказал мне Лев Николаевич, – было бы и интересно и поучительно»”²². Вместе с тем, характер „Текста Одаховского” дает основания поставить вопрос о том, не был ли литератор Жиркевич, владелец рукописи, редактором, даже „соавтором”, воспоминаний? Не внес ли он изменений и поправок в текст? Имеющиеся источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Однако сама

¹⁶ *Встречи с Толстым...*, с. 418.

¹⁷ Жиркевич посетил Толстого три раза: в декабре 1890 г., сентябре 1892 г. и ноябре 1903 г. Свои встречи с писателем он досконально изложил в дневнике.

¹⁸ *Встречи с Толстым...*, с. 426.

¹⁹ *Ibidem*, с. 430.

²⁰ *Ibidem*, с. 431–432.

²¹ *Ibidem*, с. 431, 432.

²² *Ibidem*, с. 439.

возможность участия другого лица в составлении мемуарного, исповедального текста Одаховского могла стать одной из причин предвзятой оценки Толстого, который, как мы знаем, высоко ценил в литературе искренность.

Другая гипотеза может быть соотнесена с созданным Одаховским образом Толстого как участника Севастопольской кампании. Мемуарист описывает своего фигуранта на военной службе и вне ее, причем основное внимание уделено образу Толстого в военном быту. Одаховский представляет его как „душу нашего небольшого кружка”²³, весельчака, инициатора разнообразных игр и развлечений: „[...] Толстой обыкновенно затевал какие-либо игры, придумывал развлечения и шутки”²⁴; „[...] умел увлечь всех в свои проказы [...]”²⁵; „[...] играл нам и пел шутовские песни, [...] рассказывал анекдоты, читал нам сочиненные им в Севастополе на злобы дня и на начальство стихотворения, придумывал новые игры и забавы, рассказывал о своих похождениях. [...] он был душой нашего общества”²⁶; „Часто Толстой давал товарищам лист бумаги, на котором были набросаны окончательные рифмы: мы должны были подбирать к ним остальные, начальные слова. Кончалось тем, что Толстой сам подбирал их, иногда в очень нецензурном смысле. В таких шутках, в обществе Толстого, мы коротали послеобеденное время”²⁷. При этом уже в начале мемуаров Одаховский специально подчеркивает, что „наружность Толстого была некрасивой [...]”²⁸.

В воспоминаниях польского офицера Толстой представлен также как занимательный рассказчик и спорщик („[...] говорил он хорошо, быстро, остроумно и увлекал всех слушателей беседами и спорами”²⁹), хороший товарищ („Графа Толстого все очень полюбили за его характер. Он не был горд, а доступен, жил как хороший товарищ с офицерами [...]”³⁰; „В обращении Лев Николаевич был ровен со всеми, [...] готов был поделиться последним с товарищами [...]”³¹) и в то же время – заядлый карточный игрок. При этом мемуарист постоянно отмечает, что Толстой „[...]

²³ А.В. Жиркевич, *op. cit.*, с. 167.

²⁴ *Ibidem*, с. 168.

²⁵ *Ibidem*.

²⁶ *Ibidem*, с. 169.

²⁷ *Ibidem*, с. 170.

²⁸ *Ibidem*, с. 167.

²⁹ *Ibidem*.

³⁰ *Ibidem*, с. 168.

³¹ *Ibidem*, с. 173.

постоянно проигрывал”³²; „[...] вечно нуждался в деньгах, спуская их в карты”³³; „[...] проигрывался в карты”³⁴; „[...] как только мы перестали с ним играть, он стал уходить в город и играть с пехотными и кавалеристами, а после нам же рассказывал, как те его обыгрывали”³⁵.

Создавая образ Толстого как военного, Одаховский отмечает его смелость („[...] он шел на вылазки, как любитель”³⁶; „[...] во многих делах он участвовал, как доброволец, и был храбр”³⁷), однако в целом представляет своего фигуранта как неподготовленного к военной службе и по сути не заинтересованного в ней („Раненый, не очень сильно, в руку, Толстой из Севастополя был отправлен в Симферополь. Вероятно, ему просто хотелось отдохнуть в военном госпитале: севастопольская оборона разбивала нервы!”³⁸). Так, Одаховский подчеркивает такие свойства Толстого, как недисциплинированность („[...] он часто, без разрешения начальства, отправлялся на вылазки с чужими отрядами [...]”³⁹; „В Севастополе начались у графа Толстого вечные столкновения с начальством. Это был человек, для которого много значило застегнуться на все пуговицы, застегнуть воротник мундира, - человек, не признававший дисциплины и начальства”⁴⁰), отсутствие определенных навыков и умений („[...] генерал Крыжановский [...] назначил его командиром горной батареи. Назначение это было грубой ошибкою, так как Лев Николаевич не только имел мало понятия о службе, но никуда не годился, как командир отдельной части: он нигде долго не служил, постоянно кочевал из части в часть, и более был занят собой и своею литературой, чем службою”⁴¹), честность, свидетельствующую, однако, прежде всего о непонимании военных обычаев („[...] по обычаю того времени, батарея была доходной статьею и командиры батареи все остатки от фуража клали себе к варман. Толстой же, сделавшись командиром батареи, взял да и записал на приход весь остаток фуража по батарее. Прочие батареинные командиры, которых это било по карману и подводило в глазах начальства, подняли бунт [...] Принялись за Толстого”⁴²).

³² Ibidem, с. 167.

³³ Ibidem, с. 168.

³⁴ Ibidem, с. 169.

³⁵ Ibidem, с. 173.

³⁶ Ibidem, с. 172.

³⁷ Ibidem, с. 173.

³⁸ Ibidem, с. 172.

³⁹ Ibidem, с. 169.

⁴⁰ Ibidem, с. 170–171.

⁴¹ Ibidem, с. 171.

⁴² Ibidem.

Отраженный в воспоминаниях образ Толстого – любимого сослуживцами товарища, человека смелого, но непригодного к военной службе – также мог оказать определенное влияние на восприятие мемуаров писателем.

Еще одна из возможных гипотез может быть связана с представленным Одаховским характером его взаимоотношений с Толстым. Так, мемуарист позиционирует себя как человека из ближайшего окружения Толстого, подчеркивает, что они регулярно бывали друг у друга: „[...] я заходил к нему в барак и часто заставлял его за литературной работой [...]”⁴³; „Ежедневно на обед в мою квартиру собирались граф Толстой и другие, свободные от службы [...] офицеры, хотя редкий день мы могли сойтись все вместе. Эти обеды соединяли наше общество”⁴⁴. Более того, из воспоминаний вырисовывается образ Одаховского как близкого знакомого Толстого, с которым тот был откровенен, делился своими личными, даже интимными, переживаниями: „Он говорил мне, что растратил все свое состояние во время службы на Кавказе [...]”⁴⁵; „Часто беседовал я с ним на разные темы: это был истинно-русский человек; он любил свою веру и свой родной язык, но во всяком человеке прежде всего видел человека”⁴⁶; „[...] он изо дня в день бывал у меня, многое переживая вместе со мною!...”⁴⁷. Запечатленный в мемуарах характер отношений Толстого и Одаховского, скорее всего, не соответствовал действительности, а потому мог вызывать раздражение писателя.

На основе имеющихся источников пока трудно определить конкретные причины, обусловившие восприятие Толстым некоторых фактов в мемуарах Одаховского как недостоверных. Вполне вероятно, что, помимо отмеченного нами, здесь важен учет разнообразных дополнительных нюансов в ожиданиях, связях, отношениях, поведенческих стратегиях всех трех участников этой не вполне обычной ситуации, спровоцированной мемуарным текстом.

⁴³ Ibidem, с. 167.

⁴⁴ Ibidem, с. 169.

⁴⁵ Ibidem, с. 168.

⁴⁶ Ibidem, с. 173.

⁴⁷ Ibidem, с. 174.

Приложение

„Текст Одаховского”	Пометы Л.Н. Толстого	Реальный комментарий
1	2	3
1. „В 1855 г., после Инкерманского дела, наша батарея (3-я легкая 11-ой бригады), участвовавшая в этом деле, была помещена в Бельбеке (в 15–20 верстах от Севастополя) и стояла в резерве, когда прибыл в нее граф Л.Н. Толстой [...]” ⁴⁸ .	„Никогда не был на Бельбеке. Приехал в батарею, когда она была в Севастополе” ⁴⁹ .	В дневниковой записи Толстого от 23 января 1855 г. указано: „Позиция на реке Бельбек” ⁵⁰ . Далее, в записи от 27 марта 1855 г., Толстой отметил: „В Севастополь идем мы не 24, а 1-го апреля” ⁵¹ . В комментарии к приведенной помете указано, что „с этого времени Толстой со своей батареей был переведен с Бельбека в Севастополь” ⁵² .
2. „После обеда у Филимонова Толстой обыкновенно затевал какие-либо игры, придумывал развлечения и шутки. Например, мы, по его почину, играли в игру «палта» (в роде «бабок»)» ⁵³ .	„Ничего не было” ⁵⁴ .	Дневниковые записи Толстого отчасти подтверждают то, что он принимал участие в играх. Так, в записи от 12 марта 1855 г. Толстой отметил: „Утром написал около листа <i>Юности</i> , потом играл в бабки и болтал с Броневским” ⁵⁵ . Однако нет сведений о том, что он был инициатором подобных развлечений.
3. „Затем он же [Толстой – J. P.] придумал особую игру: по очереди мы должны были становиться на одной ноге на один из колышков палатки, к которому прикреплялась палатка, и кто дольше мог простоять на колышке (назначалось известное число минут, по счету «раз, два, три»), тот получал выигрыш – пряники, апельсины и т.п.” ⁵⁶ .	„В первый раз слышу” ⁵⁷ .	Сведений, позволяющих подтвердить или опровергнуть достоверность воспоминаний Одаховского, нет.

⁴⁸ Ibidem, с. 167.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 35.

⁵¹ Ibidem, с. 40.

⁵² Ibidem, с. 282, примеч. 325.

⁵³ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 168.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 38.

⁵⁶ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 168.

⁵⁷ Ibidem.

1	2	3
4. „Он [Толстой – J. P.] говорил мне, что растратил все свое состояние во время службы на Кавказе и получает субсидию от своей тетки графини Толстой” ⁵⁸ .	Не мог говорить, потому что ни того, ни другого не было” ⁵⁹ .	О своей трудной финансовой ситуации Толстой неоднократно писал в дневнике 1854 (например, в записях от 11 и 26 июля ⁶⁰) и 1855 г. (например, в записи от 18 марта ⁶¹). В воспоминаниях Одаховского, по всей видимости, подразумевается графиня А.А. Толстая, фрейлина, состоявшая в 1846–1860 гг. при дочери Николая I в.к. Марье Николаевне, с которой Л.Н. Толстой поддерживал близкие отношения. Однако нет ни писем Толстого, ни его дневниковых записей, которые позволили бы верифицировать приведенные Одаховским сведения о „субсидии”. В дневнике Толстого имеются пометы о получении им денег (см. записи от 10 октября 1854 г. ⁶² , 23 января и 24 апреля 1855 г. ⁶³), как предполагают комментаторы, из Ясной Поляны, но трудно установить, кто присылал их ему.
5. „Затем нас двинули в Севастополь, осада которого была в полном ходу. Двенадцать орудий нашей батареи были распределены так: 4 орудия были поставлены на Язоновский редут; остальные 8 – находились в резерве [...]. Я и граф Толстой очутились в резерве, т.е. в бездействии” ⁶⁴ .	„Не был в резерве, а ставил орудия на 4-й бастион и чередовался на нем с другими офицерами” ⁶⁵ .	Сведения, приведенные Одаховским, неточны. Легкая № 3 батарея 11 артиллерийской бригады находилась в резерве севастопольского гарнизона, однако сам Толстой несколько дней пребывал на 4 бастионе, что подтверждают его дневниковые записи от 7, 12-14, 24 апреля 1855 г. ⁶⁶ .
6. „На свои средства стал я кормить офицеров батареи [...]” ⁶⁷ .	„Этого не было” ⁶⁸ .	Сведений, позволяющих подтвердить или опровергнуть достоверность воспоминаний Одаховского, нет.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 11, 17.

⁶¹ Ibidem, с. 39–40.

⁶² Ibidem, с. 27.

⁶³ Ibidem, с. 35, 42.

⁶⁴ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 168.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 41–43.

⁶⁷ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 169.

⁶⁸ Ibidem.

1	2	3
7. „Граф Толстой и другие нападали на Тотлебена [...]” ⁶⁹ .	„Никогда не видал Тотлебена” ⁷⁰ .	В дневниковой записи от 23 января 1855 г. Толстой отметил: „Был в Севастополе, получил деньги, говорил с Тотлебенем [...]” ⁷¹ .
8. „В квартире моей стоял рояль. Обыкновенно, после того, как выпьем водки и прилично закусим, граф Толстой садился за этот рояль – играл нам и пел шутовские песни, им же сочиненные, под аккомпанимент рояля, рассказывал анекдоты, читал нам сочиненные им в Севастополе на злобы дня и на начальство стихотворения [...]” ⁷² .	„Рояля у Одаховского и ни у кого из офицеров не было. Стихотворений никаких, кроме песни «Как 4-го числа...», не сочинял” ⁷³ .	Сведений, позволяющих подтвердить или опровергнуть достоверность воспоминаний о том, что в квартире Одаховского или у других офицеров был рояль, нет. Из письма Толстого Т.А. Ергольской от 7 мая 1855 г. известно то, что у него в квартире было фортепьяно ⁷⁴ . Толстой принимал участие в составлении песни <i>Как восьмого сентября...</i> , о чем писал в письме М.Н. Милошевич от 18 мая 1904 г. ⁷⁵ , однако сам был автором одной песни <i>Как четвертого числа...</i>
9. „Стоянка с батареей в резерве, видимо, томила графа Толстого: он часто, без разрешения начальства, отправлялся на вылазки с чужими отрядами [...]” ⁷⁶ .	„Один раз ходил” ⁷⁷ .	В дневнике Толстого за 1855 г. (запись от 11 марта ⁷⁸) упоминается участие только в одной вылазке.
10. „Начальство знало о том, что шутовские солдатские песни (в которых были выставлены все генералы) пишет Толстой, но не трогало его” ⁷⁹ .	„Никаких стихов не сочинял и не писал” ⁸⁰ .	См. комментарий к помете № 8. В дневниковой записи от 7 ноября 1856 г. Толстой отметил: „[...] В[еликий] К[нязь] знает про песню. Ездил объясняться с Екимахом молодцом [...]” ⁸¹ . В комментарии к приведенной записи указано, что речь идет о песне <i>Как четвертого числа...</i> ⁸² . По всей вероятности, именно по

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 35.

⁷² А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 169.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 59: *Письма 1844–1855*, Москва 1992, с. 314.

⁷⁵ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 75: *Письма 1904–1905 (январь – июнь)*, Москва 1992, с. 106–107.

⁷⁶ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 169.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 38.

⁷⁹ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 170.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 98.

⁸² Ibidem, с. 368, примеч. 1101.

1	2	3
		поводу этой песни Толстой объяснялся с А.А. Якимихом ⁸³ . 10 ноября 1856 г. Толстой писал брату Сергею Николаевичу: „[...] Константинов объявил мне, только что я приехал, что Вел. Князь Михаил, узнав, что я, будто бы, сочинил песню, недоволен особенно тем, что, будто бы, я учил ее солдат. Это грустно, я объяснялся по этому случаю с Нач[альником] Штаба” ⁸⁴ .
11. „Из посторонних, не батареинных офицеров бывали часто у графа Толстого и у меня (на обедах) штабной – князь Мещерский и штабной же, из штаба графа Остен-Сакена, Бакунин” ⁸⁵ .	„Мещерский и Бакунин были моими приятелями” ⁸⁶ .	В воспоминаниях Одаховского, в примечании к фамилии Мещерского, указано (по всей вероятности, Жиркевичем): „Неразобрано за словом «Мещерский» имя (кажется – «Василий»)» ⁸⁷ . В дневнике Толстого 1855 г. (записи от 2 февраля и 24 апреля ⁸⁸) упоминается Мещерский, однако комментаторам не удалось установить, о каком Мещерском – штабс-капитане, князе Василии Александровиче или Василии Васильевиче – идет речь ⁸⁹ . Что касается Бакунина, то речь идет, по всей видимости, об Алексее Александровиче Бакуине. Однако он впервые упоминается Толстым в дневнике уже после возвращения из Севастополя, в записи от 25 ноября 1856 г. ⁹⁰ . В комментарии к этой записи указано (на основе письма Бакунина сестре Татьяне Александровне от 1 февраля 1856 г.), что Толстой и Бакунин познакомились в конце декабря 1855 г. в Петербурге ⁹¹ .

⁸³ Ibidem, с. 368, примеч. 1102.

⁸⁴ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 60: *Письма 1856–1862*, Москва 1992, с. 107.

⁸⁵ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 170.

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 35, 42

⁸⁹ Ibidem, с. 275, примеч. 267.

⁹⁰ Ibidem, с. 102.

⁹¹ Ibidem, с. 378, примеч. 1193.

1	2	3
<p>12. „Вскоре поневоле должны были прекратиться у меня общие обеды: во время одиннадцатидневной бомбардировки Севастополя шальная бомба влетела в мою квартиру и разнесла рояль, на котором играл Толстой, а также кухню”⁹².</p>	<p>„Не помню”⁹³.</p>	<p>Сведений, позволяющих подтвердить или опровергнуть достоверность воспоминаний Одаховского, нет.</p>
<p>13. „[...] по обычаю того времени, батарея была доходной статьей и командиры батареи все остатки от фуража клали себе в карман. Толстой же, сделавшись командиром батареи, взял да и записал на приход весь остаток фуража по батарее”⁹⁴.</p>	<p>„Справедливо”⁹⁵.</p>	<p>В записи от 19 мая 1855 г. Толстой отметил: „15 мая я назначен командовать горным взводом [...]хлопот много, хочу сам продовольствоваться и вижу, как легко красть, так легко, что нельзя не красть. У меня насчет этого воровства планов много, но что выйдет не знаю”⁹⁶. 8 июля 1855 г. Толстой записал: „Насчет остатков от командования частью я решительно беру их себе и ни с кем не говорю об этом. Ежели же спросят – скажу, что взял, и знаю, что честно”⁹⁷. Однако уже 12 июля 1855 г. он отметил: „[...]решил, что денег казенных у меня ничего не останется. Даже удивляюсь, как могла мне приходиться мысль взять даже совершенно лишние. Я очень рад, что выдумал ящички, котор[ые] будут стоить целковых 100 с лишком”⁹⁸. Но, 7 августа 1855 г. Толстой зафиксировал неоднозначные в отношении казенных денег планы: „Игру вести из денег, к[оторые] буду получать из дома, ежели проиграю нес plus ultra 960 р. Все, что мне должны и я буду получать, присоединяется к капиталу, к[оторый] собираю, все, что останется от части, также, все, что выиграю, также”⁹⁹.</p>

⁹² А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 170.

⁹³ *Ibidem*.

⁹⁴ *Ibidem*, с. 171.

⁹⁵ *Ibidem*.

⁹⁶ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 43.

⁹⁷ *Ibidem*, с. 50.

⁹⁸ *Ibidem*, с. 52.

⁹⁹ *Ibidem*, с. 58.

1	2	3
14. „После бурного объяснения Крыжановский отнял у графа Толстого горную батарею” ¹⁰⁰ .	„Несправедливо. Остался командиром до конца” ¹⁰¹ .	Сведений, позволяющих подтвердить достоверность воспоминаний Одаховского, нет. Формально, т.е. в соответствии с <i>Указом об отставке</i> , Толстой был командиром горного взвода по 11 августа 1855 г. ¹⁰²
15. „[...] генерал Шейдеман напал на него [Толстого – J. P.] со словами: «Что вы так опоздали? Вы должны были явиться раньше!» Толстой же, не смутившись, отвечал: «Я, ваше превосходительство, переправлялся через реку... Думал, затоплять ли орудия!»” ¹⁰³ .	„Ничего не было” ¹⁰⁴ .	Сведений, позволяющих подтвердить или опровергнуть достоверность этого эпизода, нет. Однако известно, что у Толстого и К.Ф. Шейдемана, начальника артиллерии в Севастополе (с 24 марта 1855 г.), были непростые отношения. Еще 7 апреля 1854 г. Толстой получил от него официальный выговор за недисциплинированность ¹⁰⁵ . В дневниковой записи от 16 июля 1855 г. Толстой отметил: „Савицкий вечером рассказывал, что Шейдеман меня ненавидит. Сплетня. Меня это расстроило. Впрочем, я виноват перед Шейдеманом, дурно говорил про него” ¹⁰⁶ .
16. „Л.Н. Толстой был ранен в руку не при мне и, вероятно, во время какой-либо вылазки, на которую отправлялся самовольно” ¹⁰⁷ .	„Никогда ранен не был” ¹⁰⁸ .	Сведений о ранении Толстого в период участия в обороне Севастополя найти не удалось.
17. „Раненый, не очень сильно, в руку, Толстой из Севастополя был отправлен в Симферополь” ¹⁰⁹ .	„Никогда в Симферополе не жил” ¹¹⁰ .	Сведений о проживании Толстого в Симферополе нет. Однако уже в дневниковой записи от 20 ноября 1854 г. под стихотворением <i>Когда же, когда наконец, перестану...</i> Толстым написано „Симферополь” ¹¹¹ . В последующей

¹⁰⁰ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 171.

¹⁰¹ *Ibidem.*

¹⁰² Ю.И. Одаховский, *op.cit.*, с. 514, примеч. 15.

¹⁰³ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 172.

¹⁰⁴ *Ibidem.*

¹⁰⁵ См. подробнее в комментарии к дневниковой записи от 15 июня 1854 г. Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 250–251, примеч. 19.

¹⁰⁶ *Ibidem.*, с. 53.

¹⁰⁷ А.В. Жиркевич, *op.cit.*, с. 172.

¹⁰⁸ *Ibidem.*

¹⁰⁹ *Ibidem.*

¹¹⁰ *Ibidem.*

¹¹¹ Л.Н. Толстой, *op.cit.*, т. 47: *Дневники и записные книжки 1854–1857*, Москва 1992, с. 31.

1	2	3
		записи от 23 ноября 1854 г. отмечено: „В Симферополе я проиграл последние деньги в карты [...]” ¹¹² , а в записи от 25 августа 1855 г. – „Был в Симферополе” ¹¹³ .
18. „Когда полковник Мирбах [...] подошел к койке, на которой лежал граф Толстой [...] то подал Льву Николаевичу 150 рублей” ¹¹⁴ .	„Никогда не видел Мирбаха” ¹¹⁵ .	Сведений, позволяющих подтвердить достоверность воспоминаний Одаховского, нет.
19. „Он [Толстой – J. P.] знал и польский язык, о чем я заключаю из бесед с ним” ¹¹⁶ .	„По-польски не знаю” ¹¹⁷ .	По дневникам и воспоминаниям Д.П. Маковицкого известно то, что Толстой читал адресованные ему письма на польском языке ¹¹⁸ .

Streszczenie

Fakty i ich istnienie w pamiętnikarstwie (Odachowski – Żyrkiewicz – Tolstoj)

W artykule przedstawione zostały istotne problemy związane z analizą i interpretacją tekstu wspomnieniowego. Omawiając wspomnienia Juliana Odachowskiego o Lwie Tolstoju, zapisane oraz opublikowane przez Aleksandra Żyrkiewicza i ocenione jako niewiarygodne przez samego Tolstoja, autorka porusza m.in. takie kwestie, jak rola wydawcy, punkt widzenia autora i bohatera, fakt w tekście wspomnieniowym. Szczególną uwagę poświęcono potencjalnym przyczynom reakcji rosyjskiego pisarza na wspomnienia Odachowskiego.

Summary

Facts and their existence in memoirs (Odakhovski – Zhirkevich – Tolstoj)

The article presents essential problems connected with analysis and interpretation of memoirs. While discussing the memoirs about Leo Tolstoy by Julian Odakhovski which were recorded and published by Alexander Zhirkevich, as well as appraised as unreliable by Tolstoy, we pose such questions as e.g. the role of the publisher, the point of view of the memoirist and of the protagonist, a fact in such autobiographical text. Special attention is given to possible reasons for Tolstoy's reaction to the memoirs by Odakhovski.

¹¹² Ibidem.

¹¹³ Ibidem, s. 60.

¹¹⁴ A.B. Жиркевич, op.cit., s. 172.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Ibidem, s. 173.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ Zob. B. Białokozowicz, *Polonica w jasnopolańskiej bibliotece Lwa Tolstoja*, „Slavia Orientalis” 1962, nr 4, s. 501.